

**«ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ»
'IK HOU VAN JOU, PETERS CREATIE'**

Фестшриффт в честь Эммануэля Вагеманса

Festschrift voor Emmanuel Waegemans

Onder redactie van:

Pieter Boulogne

Wim Coudenys

Tatjana Soldatjenkova

Lien Verpoest

PEGASUS OOST-EUROPESE STUDIES is een serie studies op het gebied van de Oost-Europese taalkunde, letterkunde, cultuurkunde en geschiedenis onder redactie van:

prof. dr. Raymond Detrez (Universiteit Gent)

prof. dr. Wim Honselaar (Universiteit van Amsterdam)

prof. dr. Thomas Langerak (Universiteit Gent)

prof. dr. Willem Weststeijn (Universiteit van Amsterdam)

Redactieadres:

Uitgeverij Pegasus

Postbus 11470

1001 GL Amsterdam

Nederland

E-mail POES@pegasusboek.nl

© Copyright 2016 Uitgeverij Pegasus, Amsterdam

www.pegasusboek.nl

ISBN 978 90 6143 4 28 3 / NUR 630

ISSN 1572-0683

Bandontwerp en vormgeving LevievanderMeer

Druk en afwerking Wöhrmann bv

Alle rechten voorbehouden. Niets uit deze uitgave mag worden veelevoudigd, opgeslagen in een geautomatiseerd gegevensbestand, of openbaar gemaakt, in enige vorm of op enige wijze, hetzij elektronisch, mechanisch, door fotokopieën, opnamen, of enig andere manier, zonder voorafgaande schriftelijke toestemming van de uitgever.

Voor zover het maken van kopieën uit deze uitgave is toegestaan op grond van artikel 16B Auteurswet 1912 j° het besluit van 20 juni 1974, St.b. 351, zoals gewijzigd bij het Besluit van 23 augustus 1985, St.b. 471 en artikel 17 Auteurswet 1912, dient men de daarvoor wettelijk verschuldigde vergoedingen te voldoen aan de Stichting Reprorecht (Postbus 3060, 2130 KB Hoofddorp). Voor het overnemen van (een) gedeelte(n) uit deze uitgave in bloemlezingen, readers en andere compilatiewerken (artikel 16 Auteurswet 1912), dient men zich tot de uitgever te wenden.

Ondanks alle aan de samenstelling van de tekst bestede zorg, kan noch de redactie noch de uitgever aansprakelijkheid aanvaarden voor eventuele schade, die zou kunnen voortvloeien uit enige fout, die in deze uitgave zou kunnen voorkomen.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a database or retrieval system, or published, in any form or in any way, electronically, mechanically, by print, photoprint, microfilm or any other means without prior written permission from the publisher.

INHOUDSTAFEL

Mihail Zlatkovskij

ТЕКЕНИНГ

Tatjana Soldatjenkova, Wim Coudenys, Lien Verpoest & Pieter Boulogne

“ВСЕ МЫ ВЫШЛИ ИЗ ЭММАНУЭЛЕВСКОЙ ШИНЕЛИ”. VOORWOORD 1

Jan Scharpé (†)

DE ICOON GOSPOD’ EMMANUIL 7

LITERATUUR

Antoine Lambrechts

REIS VAN PETERSBURG NAAR TONGEREN. DE HEILIGE LUTGART EN
DOSTOEVSKIJS CREDO 13

Martine Van Goubergen

VAN OVERBODIG NAAR ONDERGRONDS, VAN ONDERGRONDS
NAAR DAKLOOS 21

Willem G. Weststeijn

THE ‘LIGHTNESS’ OF IPPOLIT BOGDANOVIČ. CAN WE KNOW THE POET
FROM HIS WORK? 33

Владимир Жеребов

ПОЭЗИЯ КАРАМЗИНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОГНИТИВНОЙ ПОЭТИКИ 49

Maarten Tengbergen

DE BRON DIE NOOIT BEVRIEST. TOLSTOJ EN DE EEUWIGE VOORTGANG
VAN HET LEVEN 65

Ольга Новицкая

ЖЕНЩИНА В ЖИЗНИ И В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО 79

INHOUDSTAFEL

Vladimir Ronin DE KLASSIEKE RUSSISCHE LITERATUUR IN DE HEDENDAAGSE RUSSISCHE HUMOR. EEN BLOEMLEZING	95
Thomas Langerak “EN BUITEN STROOMT DE WOLGA” RUSLAND GEZIEN DOOR DE OGEN VAN NEDERLANDSE EN VLAAMSE DICHTERS	107
Ben Dhooge DE RUSSEN KOMEN! POSTREVOLUTIONAIRE VARIATIES OP HET SCYTHIANISME	131
Fedor Poljakov “SCHWESTER IM TRAUMGEBIET” MICHAÏL GORLINS LIED FÜR KADIDJA WEDEKIND	155
George Cheron AN UNKNOWN LETTER ABOUT P. KRASNOV’S HISTORICAL NOVEL <i>CATHERINE THE GREAT</i>	175
VERTALING	
Pieter Boulogne DOVLATOV’S BRONZEN RUITER. INTERTEKSTUELE ANALYSE EN VERTALING VAN HET KORTE VERHAAL ‘DE CHAUFFEURSHANDSCHOENEN’	179
Henri Bloemen ZUR RELEVANZ VON NEUÜBERSETZUNGEN. MIT EINEM SEITENBLICK AUF ZWEI NIEDERLÄNDISCHE UND ZWEI DEUTSCHE ÜBERSETZUNGEN DES ‘GROßINQUISITORS’	203
Piet Van Poucke DUDINCEV ‘NIET-COMMUNISTISCH’ VERTAALD? IDEOLOGISCHE BEÏNVLOEDING VAN LITERAIRE VERTALING	219

INHOUDSTAFEL

Jan Dierick EEN STUKJE HERVERTALEN WAT ER STAAT BIJ MAUPASSANT, BABEL' EN HUN VERTALERS	235
Мария Коренева & Ирина Михайлова «И ЯКО МНОГИМЪ ЯЗЫКОМЪ ИЗУЧЕНЪ БЯШЕ». О «ЗРЕЛИЩЕ ЖИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» А.А. ВИНЮСА И ЕГО ИСТОЧНИКАХ	249
ACHTTIENDE EEUW	
Hans G. van der Tak & Wim Honselaar DE 'VORLAGE' VAN DE RUSSISCHE VERTALING VAN CHRISTIAAN HUYGENS' KOSMOTHEOROS	265
Андрей Костин МЕЖДУ ПРОТЕКЦИОНИЗМОМ И СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕЙ (ФРОНТИСПИС К ТАМОЖЕННОМУ ТАРИФУ 1757 ГОДА И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА)	283
Michel De Dobbeleer THE FIRST TRANSLATION OF VASILIJ MAJKOV'S <i>MOSCOW DELIVERED</i> (<i>OSVOBOZHDENNAĀ MOSKVA</i> , CA. 1772)	309
Сергей Мезин КУЛЬТУРА И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» РОССИИ XVIII ВЕКА ГЛАЗАМИ ДЕНИ ДИДРО	321
Michail Schippan NIKOLAJ KARAMZINS LITERARISCHES UND HISTORISCHES WERK “ISTORIČESKOE POCHVAL'NOE SLOVO EKATERINE” / “LOBREDE AUF CATHARINA DIE ZWEYTE” (1802)	337
Anthony Cross MASSON'S <i>MÉMOIRES SECRETS SUR LA RUSSIE</i> AND THEIR CONTEMPORARY RECEPTION IN ENGLAND	359

INHOUDSTAFEL

RELATIES

Hans van Koningsbrugge
DE VOORZIENIGHEID REGEERT! HOE DE DRENTSE ARISTOCRATENZOOON
LODEWIJK VAN HEIDEN-REINESTEIN IN RUSSISCHE ZEEDIENST BELANDDE 371

Nadja Louwerse
“IK ZAL STERVEN – DÁT ZAL BLIJVEN.” ANNA CROISET VAN DER KOP EN DE
NEDERLANDS-RUSSISCHE BETREKKINGEN 399

Wim Coudenys
“HIER LIGGEN HUN LIJKEN...” RUSSISCHE MILITAIRE GRAVEN
IN BELGIË UIT DE EERSTE WERELDOORLOG 423

Roger Tavernier
HET PACT VAN RĚRIH: OVER LEUVEN, REIMS EN ... BRUGGE 443

Marc Jansen
“IN ONZE ADEREN STROOMT GEEN BLOED MAAR HOUTSAP”
KONSTANTIN FEDINS ROMAN DE ONTVOERING VAN EUROPA EN DE
NEDERLANDSE HOUTHANDELSFIRMA PELTENBURG 461

CULTUUR

Francis Maes
THE CELESTIAL CITY BROUGHT DOWN TO EARTH
DMITRIJ ČERNÁKOV’S INTERPRETATION OF RIMSKIJ-KORSAKOV’S OPERA *THE
INVISIBLE CITY OF KITEŽ AND THE MAIDEN FEVRONĀ* 475

Katlijn Malfliet
DE MIR ALS RUSSISCHE AGRARISCHE GEMEENSCHAP, EEN MERKWAARDIGE
VORM VAN SOCIALE ECONOMIE 491

Raymond Detrez
DE WERELD VOLGENS PARTENIJ PAVLOVIČ 511

INHOUDSTAFEL

UIT HET LEVEN VAN EMMANUEL WAEGEMANS

LOFDICHTEN VOOR EMMANUEL WAEGEMANS, EN EENTJE DOOR HEMZELF 531

BIBLIOGRAFIE VAN EMMANUEL WAEGEMANS, 1976-2016 537

«И ЯКО МНОГИМЪ ЯЗЫКОМЪ ИЗУЧЕНЪ БЯШЕ». ¹ О «ЗРЕЛИЩЕ ЖИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» А. А. ВИНИУСА И ЕГО ИСТОЧНИКАХ

Марина Коренева & Ирина Михайлова

1 Вводные замечания. Загадка А.А. Виниуса. Изученность вопроса

Знаменитый памятник древнерусской литературы «Зрелище жития человеческого, в нем же изъявлены суть дивные беседы животных со истинными, к тому приличными, повестьми в научение всякого чина и сана человеком, ныне новопереведено с немецкого языка всем в общую пользу трудолюбием А. А. с. В. в царствующем великом граде Москве в лето от воплощения бога слова 1674» (далее – «Зрелище») по сей день привлекает внимание российских и зарубежных исследователей не только потому, что он имел необычайно важное значение для русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века,² но прежде всего потому, что до сих пор не прояснен в полной мере вопрос о том, какой иноязычный текст или тексты лежат в его основе. Эту загадку загадал последующим поколениям обрусевший голландец Андрей Андреевич Виниус (1641-1717), в момент выхода книги в свет – думный дьяк и переводчик при царе Алексее Михайловиче, позднее – сподвижник Петра I, создавший рассматриваемый литературный памятник (сокращение «А. А. с. В.» означает «Андрей Андреев сын Виниус»). Указав в полном названии своего детища, что это перевод «с немецкого языка», но не сообщив ни названия, ни автора оригинала – что, впрочем, вполне соответствовало практике того времени, когда не существовало представлений об авторских правах и плагиате, - он обрек историков литературы на поиски и споры.

В научных работах, посвященных «Зрелищу», выдвигается три гипотезы о его возможных источниках, причем в ряде случаев одни и те же

исследователи со временем отчасти меняют свою точку зрения. Согласно первой точке зрения, «Зрелище» представляет собой прозаический перевод-пересказ стихотворного эмблематического сборника «Княжеский сад зверей» (*Vorsteliicke Warande der dieren*, 1617), принадлежащего перу классика нидерландской литературы Йоста ван ден Вондела³. Однако Р. Б. Тарковский, автор целой серии работ, посвященных «Зрелищу», который в 2005 г. впервые осуществил научную публикацию полного текста данного памятника, считает его переводом немецкоязычного сборника «Театр нравов» (*Theatrum morum*), написанного и изданного в Праге в 1608 г. фламандским художником и гравером Эгидием Саделером.⁴ В пользу своей точки зрения он приводит четыре основных положения:

- (а) в качестве языка оригинала Виниус указал немецкий, а не голландский или нидерландский;
- (б) между названиями и предисловиями текстов Виниуса и Саделера имеется несомненная перекличка;
- (в) в корпусе «Театра нравов» имеются все басни с прилогами, переведенные Виниусом, в то время сборник Вондела несколько короче: в нем отсутствуют номера 117-129 «Зрелища»;
- (г) у Виниуса, как у Саделера, сначала дается басня, затем «прилога», а у Вондела наоборот.

Если в статьях 60-х годов Р. Б. Тарковский источником «Зрелища» однозначно называл пражское издание «Театра нравов» 1608 г., то в работах 1990-х годов и в монографии «Эзоп на Руси» (2005) он уделяет большее внимание сопоставлению русского текста с нидерландским, в результате чего высказывает предположение, что «Зрелище» представляет собой перевод более позднего, еще не выявленного издания текста Саделера, от которого отталкивались и Вондел, и Виниус.

Вопросу о европейских источниках «Зрелища» посвящена и наша небольшая совместная статья⁵, в которой мы стремились на основе сопоставления текстов ряда басен в трех версиях (немецкой, нидерландской и русской) показать, что едва ли правомерно считать источником «Зрелища» только «Театр нравов» Саделера в каком бы то ни было

издании и что Виниус несомненно опирался и на «Княжеский сад зверей» Вондела, так как по набору основных сюжетных элементов и по отдельным побочным деталям значительное количество русских басен демонстрируют большее сходство с нидерландским, нежели с немецким источником. При этом указание московского думного дьяка Виниуса на то, что перевод выполнен «с немецкого», нерелевантен, поскольку в Москве того времени немцами называли всех иностранцев-протестантов, да и сами голландцы зачастую называли свой язык *Diets* (=Duits), противопоставляя его латыни и романским языкам, но не языку своих восточных соседей.

2 Постановка задачи

В данной статье мы ставим целью подойти к вопросу об источниках «Зрелища» более дифференцированно и показать на основе детального сопоставления текстов, какие части сборника Виниуса соответствуют «Княжескому саду», какие – «Театру нравов», а какие восходят к обоим источникам одновременно.

Исходный тезис, который мы постараемся доказать в настоящей статье, строится на предположении, что Виниус начал переводить книгу Вондела и уже перевел из нее как минимум 116 басен, когда засомневался – не противоречит ли содержание заключительных басен «Княжеского сада» (в частности, басня «Благочестие аиста», восхваляющая аистов, которые якобы выкидывают из гнезда и убивают своих детей, принося их в жертву Богу) православному мироощущению москвитов, в окружении которых он сам жил и для которых делал перевод (подробнее см. ниже). В поисках более убедительного завершения он, судя по всему, обратился к «Театру нравов», обнаружил там несколько новых басен, которые могли бы быть полезны для московских читателей, и также включил их в свой сборник (№№ 117-129). Финальная часть сборника (№№ 130-134) потребовала от Виниуса особого внимания: в европейской традиции конец подобного рода моралистической книги неизменно содержал тексты, призванные напомнить читателю о смерти и загробной жизни, – темы, интерпретация которых во многом определяется общей картиной мира данного автора, или данной эпохи, или данной культуры с ее доминирующим вероисповеданием. Поэтому Виниус,

явно стараясь избегать привязки к той или иной конкретной религии⁶, подобрал из обоих источников подходящие басни на данную тему, сам установил их последовательность, и в каждой басне соединил наиболее выразительные сюжетные элементы из Саделера и Вондела, создав удачную контаминацию.

Подобный переводческий метод, когда из двух или нескольких источников составлялся один, в соответствии с задачами и целями автора и духом эпохи, имел широкое хождение в переводческой практике вплоть до середины XIX в., главным образом в моралистической и дидактической литературе и, в частности, в сфере бытования басенных сборников, как это показано, например, в исследованиях профессора Лейденского университета Пауля Смита.⁷ На основе анализа тридцати трех изданий и переизданий сборников басен на нидерландском, латинском, немецком, английском и французском языке, вышедших в Европе до 1743 г., он устанавливает ближайшее родство, как в плане текстов, так и в плане иллюстраций, между десятью эмблематическими сборниками, восходящими к общему источнику: «Правдивым басням о животных» ритора из Брюгге Эдуарда Де Дене (De Dene, 1505-1578) с иллюстрациями Маркуса Герартса Старшего (Gheeraerts, 1520/21-1590). Выстроенное П. Смитом генеалогическое древо включает версии Саделера и Вондела, однако с текстом Виниуса лейденский ученый, не владеющий русским языком, незнаком, и потому русский сборник остался за рамками этой «генеалогии».

Для изучения переводческой стратегии Виниуса при создании «Зрелища» работа Пауля Смита важна в трех отношениях: во-первых, автор показывает родственные связи между текстами Саделера и Вондела, во-вторых, он отчетливо прослеживает бытовавшие в XVII веке представления о переводе, существенно отличающиеся от современных, так как в ту пору перевод обычно сопровождался существенной переработкой текста, в-третьих, исследование лейденского ученого если не исключает полностью, то делает крайне маловероятным предположение Р.Б. Тарковского о существовании переиздания «Театра нравов» Саделера с иным расположением басен.

3 Сопоставление текстов басни «О пьяном олене» из «вонделевской» части «Зрелища»

Обратимся непосредственно к самим текстам. Приведем басню «О пьяном олене» (№ 102 по нумерации Виниуса и Вондела, находящуюся у Саделера, не пронумеровавшего свои басни, ближе к началу книги (на страницах 93-94 из 296). Здесь басни Вондела и Саделера даны в подстрочном переводе на русский язык; оригиналы воспроизводятся в Приложении:

№102 О ЕЛЕНИ ПИАНОЙ (Виниус).

Некоей елени обычай бяше выну во пианстве пребывати. И в некое время напившись ей, хотя древо прескочити, преломи себе ногу.

Тем научая всех гонящих пьянство и поработивших себе Бахусу (еллинский идол пианства) и Цересеи.

Ибо, наполнивший себе пианством и объядением, что, какие плоды посесть от таковых наследуют?

Не всякое ли зло, всякия нечистоты и блудодеяния, свары, убийства, крамолы и злообразия? – ибо тогда преиззряднейшее создание, егоже бог подобообразимъ своимъ украси, самовольне претворяется в подобие всякого скота, зане вино, достиг злыми своими пары во главу, отгоняет человеком разум, память, смысл, слово, силу и срамъ. И бывають таковии пианицы овии подобни нечистым псамъ, овии гневливым медведем, овии смехотворным пификам, инии же скверным свиниами и прочии подобнымъ симъ. Сего ради подобает кийждому, наипаче христианину, от сихъ отвращатися и воздержаниемъ от сихъ себе хранити.

№ 102 О ПЬЯНОМ ОЛЕНЕ (Вондел)

Олень, привыкший к роскоши и всяким вкусностям,

Обратился к пьянству и разгильдяйству:

Из-за неумеренности и жадного питья

Он сломал свою нежную ножку о дубовое бревно.

‘Обратите на это внимание, пьяницы: таковы ценные дары,

‘Которые Бахус дает своим товарищам, а Церера своим рабам,

‘Когда он своими плодами, а она своим напитком

‘Наполняет ваши кружки, то они делают ваши ноги ненадежными,

‘Повреждают ваш разум, околдовывают ваш дух,

‘Оттого что вы хотите насладиться их соками и напитками.
‘Тогда они проникают вам в голову и бросаются в мозг,
‘Вы чувствуете себя Большим человеком, а кошелек вскоре становится
тощим.
‘Вы изображаете клоуна с нелепыми манерами,
‘И подражаете жестоким, грязным и подлым животным.
‘Ваш разум уходит из дома, от пьянства днем и ночью.
‘И человек напрасно чешет в затылке, когда кончаются деньги.
‘Все закончилось: ноги сломаны.
‘Хорошее состояние и время потрачены впустую.
‘Части тела стали малоподвижными: печень, легкие и селезенка
‘Пропиты и испорчены. Такова награда пьянице.
‘Следуйте уроку правды, учитесь строгости
‘И бегите, как от чумы, от бессмысленных кувшинов Бахуса.
‘И не забывайте пословицу: Когда пиво находится внутри человека,
‘То весь его разум и мудрость находятся в кружке.

О ПЬЯНОМ ОЛЕНЕ (Саделер)

Олень напился доброго вина/
Упал, запнувшись о полено, и сломал себе ногу.
Поскольку после этого падения он стал хромоногим/
Он зарекся пить вино.
Стоило ему отведать доброго вина/
Он сразу же лишился здоровья.
Так и некоторым нужно заречься пить вино/
Если же он будет пить умеренно/
Он будет от того здоровым и радостным.

Для мудрого человека большой позор/
Если он отдаст себя во власть пьянству.

Версии данной басни, представленные Вонделом и Винусом, роднит, во-первых, предельная краткость фабульной части по сравнению с версией Саделера: они рассказывают лишь о том, что пьяный олень упал и сломал ногу, в то время как Саделер в дополнение к этому указывает, что олень в дальнейшем стал хромать и зарекся пить вино. В пространной «морали» их роднят следующие элементы, отсутствующие у Саделера: а) упоминание о

Бахусе и Церере; б) рассуждения не только о пьянстве, но и об обжорстве; в) детальное описание того, как вино проникает в голову и уже там воздействует на разум. От себя Виниус добавляет суждение о греховности пьянства: человек, созданный по образу Бога, во хмелю становится подобен животному.

Такой же результат – наличие сюжетных деталей, роднящих текст Виниуса с текстом Вондела и отсутствующих у Саделера, – мы получаем при сопоставлении других басен из первых 116 единиц древнерусского сборника, то есть основной корпус басен в сборнике Виниуса по своей композиции, общей логике «морали» и – что особенно важно – по отдельным «предметным» деталям, явно соотносится со сборником Вондела.

4 Сопоставление текстов басни «О птице Фениксе» из финальной части «Зрелища»

Иная картина наблюдается при обращении к завершающей части сборника Виниуса. В качестве примера приведем басню «О птице Фениксе» (№ 133 по нумерации Виниуса, № 123 по нумерации Вондела, у Саделера – на с. 220).

133. О ПТИЦЕ ФИНИКСЕ (Виниус)

Поведают неции, яко во Аравии обретається птица, юже Финиксь нарицают и во всем мире единой точию быти. Сказуют, соидеже собирает хврастие и благовонныя вещи, иже от лучей солнечных запалются. Тогда Финикс огню предається.

Посем ис того же пепла исходит малый червь, который паки до таковыя же птицы достизаеьт.

Темь научает, яко кийждому христианину подобаеьт тако огнем любви божия разжегши, оставити старого человека с деянми его и в новаго обещися.

123. ПТИЦА ФЕНИКС (Вондел)

Аравия гордится и славится
На весь мир, по всем королевствам:

Потому что Феникс постоянно летает по ее теплому воздуху,
Которая не видит и и никогда не видела себе равных.
Которая после шести веков пресыщается и устает от скитаний,
И по собственной воле и собственными силами готовится к смерти,
На крутой горе, где она устраивает для себя смертный одр
Из ароматной древесины, которую жаркий солнечный свет
Своими лучами зажигает;
Птица, быстро сгорев, обращается в пепел;
Из которого постепенно возникает и выползает червь,
А из него заново родится Феникс в прежнем облике.
«Разумы, которые в учености и мудрости весьма выделяются,
С ним [Фениксом] можно сравнить,
Потому что они редко встречают себе подобных,
И из-за своей славы и бессмертия
Других также вдохновляют, чтобы с распростертыми крыльями
Следовать за теми, кто достиг Горы славы;
Лететь к звездам с возвышенной душой,
Пока они в награду не унаследуют зеленый лавровый венок.

О ПТИЦЕ ФЕНИКС (Саделер)

Феникс птица действительно
Живет триста тридцать лет /
В стране Аравия она обитает.
Кто не верит или кому эту не нравится /
Отправляйся посмотреть в каком виде
Как она делает себе прекрасное искусное гнездо /
В котором она сама себя сжигает.
Из ее праха [= пепла] снова возникает
Другой Феникс в прекрасном наряде.
Вот так и человек должен обновляться
Очищаться от грехов через Писание Господне.

Когда у тебя иссякает сила юности /
Обновись через хорошее дело.

Сопоставляя три текста, мы видим в тексте из «Зрелища» *шесть* мелких сюжетных элементов, объединяющих его с «Княжеским садом» Вондела, и один, но принципиально важный, объединяющий его с «Театром нравов»

Саделера и отсутствующий у Вондела. Перечислим эти шесть общих элементов:

- (1) У Виниуса и у Вондела совпадает тема-рематическое развертывание первой фразы: страна Аравия служит темой, а сведение о птице Фениксе, там обитающей, - ремой сообщения, в то время как у Саделера, наоборот, место обитания птицы является ремой.
- (2) У Виниуса и Вондела подчеркивается уникальность Феникса во всем мире, о чем текст Саделера умалчивает.
- (3) У Виниуса и Вондела указание на «благовонные вещи» в птичьем гнезде появляется уже в корпусе басни, а у Саделера только в прилоге,
- (4) У Виниуса и Вондела указывается, что «хворост и благовонные вещи» загораются от солнечных лучей, у Саделера птица сжигает себя сама, а о солнце упоминается лишь в прилоге.
- (5) Особенно примечательно упоминание у Вондела и у Виниуса о «малом черве».
- (6) У Вондела и у Виниуса птица возрождается в ее «первоначальной форме», у Саделера говорится лишь о ее прекрасном наряде, без сравнения с предыдущим внешним видом.

На фоне совпадения отдельных деталей в текстах Виниуса и Вондела обращает на себя внимание радикальное несовпадение «морали», выводимой из фабульной части басни. Эта важная, смыслообразующая часть басни в варианте Виниуса оказывается родственной версии Саделера: у Виниуса и Саделера уже в тексте самой басни появляется христианский мотив очищения от грехов – в отличие от Вондела с его сугубо светским рассуждением о мудрости, доблести и бессмертной славе, -- мотивы, не попавшие в текст «Зрелища».

При оформлении прилога к данной басне Виниус, однако, снова возвращается, судя по всему, к сборнику Вондела, как это видно, если сопоставить все три текста⁸:

Прилога у Виниуса:

Яко же птица сия Финиксь, собрав благовония, яже от солнца зажжены бывши, сама себе огню предаеть, из ея же пепеля паки иная раждается,

сице и Христос вольной страсти и смерти крестной предадеся, на нем же, яко во пламени любви, смерть вкуси и посих в третий день паки, безсмертен сый, от мертвых восста. – От святых отец.

Прилога у Вондела:

Подобно тому, как птица Феникс себе ароматную древесину собирает, которую поджигает жар солнца, и после этого из того же пепла новый Феникс является: так же наш Господь Спаситель Иисус Христос сам себе избрал крест и на его огне горячей любви полностью сгорел и умер. Но после этого на третий день он снова в целости, бессмертный и не подверженный страданиям восстал. – Святые отцы.

Прилога у Саделера:

Подобно тому, как птица Феникс сама для себя собрала благоуханную древесину, каковые воспламенил жар солнца, потом же, однако, из этого пепла вышел новый Феникс / так и Господь и Благодетель наш Иисус Христос сам для себя избрал дерево креста и словно сгорел на нем в пламени жаркой любви и умер / после чего, однако, снова / воскрес бессмертным и невредимым. – Отцы [церкви].

В целом все три прилоги почти буквально совпадают друг с другом и по объему, и по логике рассуждения, и по структуре развернутого сравнения, и по общему смыслу сравнения, и по основным образам. Но разница, как известно, скрывается в деталях. В текстах Виниуса и Вондела сообщается, что Христос воскрес на третий день после крестной смерти, в прилоге Саделера эта существенная деталь отсутствует, что дает основания предположить, что Виниус в этой части все же следовал за Вонделом, а не Саделером.¹⁰

5 Сопоставление состава финальной части «Театра нравов», «Княжеского сада» и «Зрелища»

Последний вопрос, на который следует попытаться ответить, - почему Виниуса не удовлетворили финальные басни Вондела и Саделера, что заставило его составить собственную последовательность заключительных басен.

Сборник Саделера завершается баснями «О вороне и скорпионе» (с. 135), «О Юпитере и пчеле» (с. 136), «Об обезьяне и двух ее сыновьях» (с.

137), «Об осле и заносчивом коне» (с. 138), «О пленном батраке и осле» (с. 139). Все они по своему содержанию в контексте российской действительности так или иначе могли прочитываться как скрытые «уколы» в адрес правителей и отсылали (в том числе и через прилоги) к «опасным» ситуациям (покушение на жизнь правителя в басне «О вороне и скорпионе», подчеркнутое снижение образа коня – символа высокого статуса – в басне «Об осле и заносчивом коне», глупость правителей в басне «О пленном батраке и осле»), не говоря уже о том, что упоминание в финальной части языческого Юпитера, как и обилие глупых обезьян с ослиами, едва ли могли соответствовать дидактическому послыу и морализаторскому пафосу сборника, предназначавшегося для русского читателя.

Вондел в этом смысле давал на первый взгляд более подходящий материал. В его сборнике финал целиком посвящен теме подготовки к физической смерти и духовного бессмертия, как это видно по последним четырем басням: № 122. Лебедь и аист; № 123. Птица Феникс; № 124. Старый Аист; № 125. Благочестие Аиста. Виниус, следуя за Вонделом в плане общей тональности финала с его обращенностью к высоким, сущностным, универсальным темам, исключает, однако, его басни «Старый Аист» и «Благочестие Аиста», добавив вместо этого его же басню «О состарившемся льве» (у Вондела был № 118). В результате Виниус составляет свою финальную триаду: № 132. О состарившемся льве; № 133. О Птице Фениксе; 134. О жеравле и лебеде.

Басня «Благочестие аиста» Вондела, сопровождающаяся ужасающе натуралистичной иллюстрацией, основана на предании о том, что аист выбрасывает из гнезда своего первенца, принося его в жертву Богу, подобно тому, как Авраам готов был принести в жертву своего сына Исаака. Виниус, стремившийся с помощью перевода басен бороться с жестокостью российских нравов, наверняка не хотел ставить аиста-детоубийцу в пример россиянам. Однако басня «Старый аист» посвящена общечеловеческой проблематике – необходимостью заботливого отношения родителей к детям, которые, получив правильное воспитание, будут потом ухаживать за

престарелыми родителями. Почему Виниус решил от нее отказаться, остается неясным.

Кроме того, Виниус отказался и от пространного введения Вондела, описывающего некий зоосад в Нидерландах. После изменения названия сборника подобное введение потеряло смысл, и Виниус предпочел взять за основу предисловие Саделера, более короткое и конкретное.

6 Сопоставление текстов басни «О попугае и мартышке» из «саделеровской» части «Зрелища»

После сопоставления басен из основного корпуса «Зрелища», а также из его финальной части с соответствующими баснями из «Княжеского сада» и «Театра нравов» для полноты картины сопоставим с оригиналами басни из «саделеровской» части «Зрелища», то есть №№ 117-129. Проведем это на примере басни о пользе филологической науки, к которой принадлежат не только авторы, но и, что намного важнее, глубокоуважаемый адресат настоящей статьи. И пусть в фабульной части знание иностранных языков приписывается птице с несколько подмоченной репутацией – попугаю, персонаж из прилоги – древнегреческий философ Фалес Милетский – вполне может служить образцом для подражания.

№ 126. О ПИФИКЕ И ПОПУГАЕ (Виниус)

Некий попугай прение сотвори с пификом. И рече попугай, яко различными языками можаше глаголати. Пифик же хвалился, яко все может от человека научити ся и всякое художество, подобне человеком, творити. И сие хотяше попугаю явити, иде в некое место, человеком в воде моющимся, ять бысть.

Ему же попугай зело посмеяся.

Тем являя, яко подобает человеком от младости обучатися в таких учениях, иже бы в старости не точию могли препитати, но и в честь довести.

Подобно сему егда Фалес Милесий похвалился другу своему учения ради своего и яко многим языком изучен быше, другъ же его похвалися, яко

«И ЯКО МНОГИМЪ ЯЗЫКОМЪ ИЗУЧЕНЪ БЯШЕ»

зело бяше обучен како подобаше строити дела воинския и яко
потребнейше сие бе человеком, нежели многое его учение.

Егда же посем бысть глад крепок во стране той, Фалес выну от учения
своего доволство имяше, другу же его от глада погибающу.

О ПОПУГАЕ И МАРТЫШКЕ (Саделер)

Попугай похваляется тем, что он умеет
Любой язык быстро повторить.
Мартышка же в ответ хвалит себя за то,
Что может мастерски повторить любое действие.
Увидев однажды, как в купальне сидит
Множество людей в купальных балахонах и потеют,
Она захотела тоже искупаться и нарядилась
В купальный балахон как человек.
Из-за этого она [упала] и расшиблась.
Глядя на это, птица рассмеялась
И сказала: Тебе не следует похваляться /
Дело твое посрамлено.
Не упражняйся в таких искусствах /
Которые причиняют вред и бестолковы.

С этой басней рифмуется то, что мы читаем о Фалесе Милетском. Он хвалился своим искусством и многими языками, которые он выучил и на которых мог прекрасно говорить. Друзья его в ответ стали хвалиться своим превосходным умением вести хозяйство, [утверждая], что от того им гораздо больше пользы, чем ему от его языков и великого искусства. Вскоре после этого случилось большое подорожание, из-за которого друзья Фалеса столкнулись с большим голодом и жизни их угрожала опасность / Фалес же благодаря своей ловкости и языкам ни в чем не знал недостатка, а наоборот имел достаточно еды и питья. Тогда он посмеялся над своими друзьями и сказал / что впредь им не следует так себя расхваливать и не отдавать предпочтение усердному и утомительному ведению хозяйства, а ценить свободные искусства.

Взяв за основу басню Саделера, Вinius ее существенно сократил и убрал конкретные детали (купание мартышки в «человеческом» балахоне, не умея носить который она получила травмы), в результате общая логика оригинальной басни нарушилась, поскольку исчез «повествовательный повод» для выведенной морали, а существо самой морали видоизменилось: если Саделер противопоставляет свободные искусства, то есть умственные занятия, практической сметке (хозяйственной деятельности) и – в том числе через прилог – демонстрирует очевидное преимущество первых, то Вinius чуть смещает акцент: сочтя, вероятно, что такое противопоставление в русском контексте не работает (хозяйственность и практическая сметка никогда не были сильными чертами русских), Вinius развернул противопоставление иначе, сделав знание языков символом истинного

просвещения и созидательной работы ума, которые, в его интерпретации, выше, чем умение вести войны и пустое подражательство.

7 Выводы

- (1) «Зрелище жития человеческого» восходит к двум западноевропейским источникам: «Княжескому саду зверей» Вондела и «Театру нравов» Саделера.
- (2) Большая часть «Зрелища» (№№ 1-116) представляет собой краткий прозаический перевод книги Вондела.
- (3) Басни из заключительной части «Зрелища» (№№ 130-134) представляют собой контаминацию текстов Вондела и Саделера.
- (4) Изменение последовательности и состава басен в финальной части «Зрелища» относительно «Княжеского сада» и «Театра нравов», а также соединение в них смысловых элементов из обоих источников определяется стремлением Виниуса максимально усилить дидактический пафос сборника с учетом нового адресата – русского читателя.
- (5) «Предисловие» и басни №№ 117-129 основаны исключительно на текстах Саделера.
- (6) Как убедительно показано в басне «О пифике и пугае» (№126 у Виниуса), знание иностранных языков, которым блистает адресат данной статьи, приносит человеку намного больше пользы, чем скучная житейская практичность или умение драться.

Институт русской литературы РАН, Санкт-Петербургский государственный университет

Примечания

1 «Так как многим языкам обучен был» (*церковнослав.*). Цитата из прилоги к басне «О пифике и попугае». Андрей А. Виниус, «Зрелище жития человеческого...», в *Эзон на Руси. Век XIII*, Ростислав Б. Тарковский и Лана Б. Тарковская (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005), 301-364.

2 О важности данного текста для русской культуры того времени говорят многочисленные случаи использования сюжетов из «Зрелища» не только в литературе, но и в садово-парковом искусстве XVIII в. Как указывает, в частности, Д.С. Лихачев, ссылаясь на Т.Б. Дубяго, в Летнем саду в Петербурге Петр I устроил лабиринт на темы из «Зрелища жития человеческого», а позднее использовал эти же сюжеты при устройстве Петергофского Царскосельского сада. Дмитрий С. Лихачев, *Поэзия садов* (Москва: Согласие, 1998), 155. Кроме того, данный текст – уникальный случай! – после почти сорока лет бытования в

рукописных списках в 1712 г. был напечатан большим тиражом по личному распоряжению Петра I.

3 Joost van den Vondel, *Vorstellicke Warande der dieren* (Amsterdam, 1617). Дата обращения 01-09-2016, <https://archive.org/details/vorstelijckewara82vond>. Данной версии придерживается Лихачев, *Поэзия садов*, 155 и Елизавета И. Боброва, “От составителя,” в *Библиотека Петра I: Указатель-справочник*, сост. Елизавета И. Боброва (Ленинград: Изд-во БАН, 1978), 12.

4 *Theatrum morum. Artliche gespach der thier mit wahren historien den menschen zur lehr* (Egidius Sadeler) (Praga, 1608). Дата обращения 01-09-2016, <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5606663w/f9.image.r=.langEN>. Ростислав Б. Тарковский, “Зрелище жития человеческого,” в *Литература и общественная мысль Древней Руси* (Ленинград: Наука, 1969), 248-253; Ростислав Б. Тарковский, “Три древнерусских перевода Эзопа (Идеологический очерк),” в *Труды отдела древнерусской литературы*, 49 (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1996), 187-224; Тарковский и Тарковская, *Эзоп на Руси*, 548.

5 Марина Ю. Коренева и Ирина М. Михайлова, “К вопросу о европейских источниках «Зрелища жития человеческого» (1674),” *Скандинавская филология*, 14 (Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2016), 81-91. Более ранние статьи одного из соавторов были нацелены в большей мере на выявление переводческих принципов Виниуса, чем на выяснение вопроса о соотношении источников «Зрелища»: Ирина М. Михайлова, “Об одном переводе нидерландского поэтического текста в допетровскую эпоху. Опыт лингвистического анализа,” *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9*, Вып. 1. Ч. II (2008), 167-171.

6 О том, что семейство Виниусов прекрасно осознавало остроту и важность религиозной обстановки в России в 50-е годы XVII в., свидетельствует сообщаемый Кейсом Ботерблумом анекдот об отце А.А.Виниуса, А.Д.Виниусе, который в 1654 г. якобы бил свою жену, не желавшую вслед за ним перейти в православие. Kees Boterbloem, *Moderniser of Russia. Andrei Vinius, 1641-1716* (London: Palgrave Macmillan, 2013), 38.

7 Paul J. Smith, “Dispositio in the Emblematic Fable Books of the Gheeraerts Filiation,” in *Emblems of the Low Countries. A Book Historical Perspective* (Glasgow: Glasgow Emblem Studies Vol. 8., 2003), 149-170; Paul J. Smith. *Het schouwtoneel der dieren. Emblemfabels in de Nederlanden (1567-ca. 1670)* (Hilversum: Uitgeverij Verloren, 2006), 1-124.

8 По мнению П. Смита, прозаические прилоги в «Княжеском саду» были переведены не Вонделом, а, вероятно, издателем, который, как предполагает П. Смит, опирался на сборник Саделера (Smith, *Het schouwtoneel*, 42). Обращение к басне «О птице Фениксе», однако, показывает, в отдельных случаях все же прилоги в сборнике Вондела и в сборнике Саделера не вполне совпадают.